

Максим Горький

Преступники

Максим Горький

Преступники

«Public Domain»

1932

Горький М.

Преступники / М. Горький — «Public Domain», 1932

«Двор колонии. Два деревянных одноэтажных корпуса один против другого – мастерские столярная и сапожная. В середине их – сараеобразная церковь, она же и школа. Около двери её, на перекладине двух столбов – колокол. Вправо и влево от церкви – по косой линии, как два её крыла – спальни преступников, в окнах – железные решётки. В глубине – двухэтажный дом администрации, сарай, погреб, за ним огород...»

Содержание

Преступники	5
Преступники учатся	10
Преступники забавляются	13
Преступники мечтают	16
У другого окна	17
Преступники бегут	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Максим Горький

Преступники

Преступники

1

Унылая, кочковатая местность, – осушенное болото. На фоне мелколесья – частокол, над ним возвышается крыша, одна из них увенчана луковицей и крестом.

2

Частокол, в нём – широкие ворота, в левом полотнище – калитка с «глазком». Над воротами дугой – вывеска:

**КОЛОНИЯ МАЛОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ
ОСНОВАНА В 1885 ГОДУ ТЮРЕМНЫМ КОМИТЕТОМ
НА СРЕДСТВА, ПОЖЕРТВОВАННЫЕ КУПЦОМ
ПЕРВОЙ ГИЛЬДИИ Я. С. ЧЕРНОБЫЛЬНИКОВЫМ
И ДРУГИМИ ИМЕНИТЫМИ ГРАЖДДАНАМИ.**

3

Двор колонии. Два деревянных одноэтажных корпуса один против другого – мастерские столярная и сапожная. В середине их – сараеобразная церковь, она же и школа. Около двери её, на перекладине двух столбов – колокол. Вправо и влево от церкви – по косой линии, как два её крыла – спальни преступников, в окнах – железные решётки. В глубине – двухэтажный дом администрации, сарай, погреб, за ним огород.

4

Администраторы и воспитатели: Антон Васильевич **Полувеков**, смотритель колонии, бывший полицейский офицер, человек полубольной, тощий, раздражительный, одет неряшливо, белый китель, брюки навыпуск, ночные туфли, полицейская фуражка. Прихрамывает, ходит с палкой.

5

Оношенко – помощник смотрителя – толстенький, круглый, благодушный старичок, тоже бывший полицейский. На пухлом личике – неувядаемая улыбочка, руки всегда в карманах брюк. Надзиратели. Четверо, люди в возрасте от сорока до шестидесяти лет.

Повар **Буянов**, человек огромного роста и дикого вида, широколицый, небритый, лохматый, с выкатившимися глазами. Пьяница.

Трое сторожей, вооружены охотничьими двухстволками. Один из них – **Миша**, старый солдат, на обязанности его – пороть преступников розгами. Он – человек с хроническим насморком, часто чихает.

Поп, он же учитель грамоты. Суетливый, захудалый и как будто испуганный чем-то маленький старичок. Держится в стороне от всех, руки всегда за спиной. Ходит мелкими шагами, осторожно.

Климов – сапожник, угрюмый, лысый старик, с густыми бровями. Прислуживает в церкви за дьячка.

Яшин – столяр, весёленький пьяница.

6

Утро. Один из сторожей звонит в колокол. Сапожник Климов открывает дверь церкви. Надзиратели **Ордынцев, Ивановский, Судаков и Делягин** – у дверей барачных, командуют: – По трое в ряд – стройся! Смирно! На молитву – мар-ррш!..

7

Одновременно из обоих барачных идут преступники, их в общем сто – сто двадцать; мальчики возраста от 10 до 15 лет. Человек десять кажутся старше. Все гладко острижены, в круглых шапочках без козырьков, в однообразных курточках и лыковых лаптях.

Надзиратели командуют:

– Ногу, ногу держи, черти оголтелые!

– Ать, два. Ать, два! Левой, левой!..

Следует подчеркнуть фигуры:

Васька Лисица – парень с виду лет 17, остроносое лицо, худощавый, ловкий, насмешливо прищуренные глаза. Он – любимчик Оношенко, шпион.

Иван Смирнов – лет 15, крепкий парень, лицо серьёзное, даже суровое, тяжёлая походка.

Арап – лет 12, изящный, ловкий, красивый.

Алёшка Чумовой – тоже лет 12–13, очень детское лицо, горячие глаза фантазёра.

Ерохин – мальчик лет 15, угрюмый, нахмуренные брови, кажется старше своих лет.

Сущков – слабенький, тощий, нервный, лет 11–12.

8

Из-за угла церкви выходят: повар, столяр.

Их обгоняет попик, бежит в церковь. Идёт Оношенко. Буянов и Яшин останавливают его, шепчутся. Оношенко – кивая головой:

– Ладно, валяйте. (*Кричит.*) Лисица!..

9

Буянов, Яшин за углом церкви дают Лисице деньги:

– Валяй в село. Возьмёшь с собой Сашку Макова. Принесёте по четыре бутылки. Быстро!

Лисица. Знаю!

Буянов. Как только кончится порка, зритель уйдёт, – так и беги!

Лисица. Ладно. (*Убежал в церковь.*)

Яшин. Всю ночь не спал, комары едят, клопы едят.

Буянов. А того больше – скука ест.

10

Идёт Полувеков, за ним надзиратель со стулом и сторож Миша с пучком розог под мышкой. Полувеков, ответив на поклоны повара и столяра, проходит в церковь. Надзиратель Судков приносит скамью.

Яшин. Драть будем, дядя Миша!

Миша. Обязательно. Субботний расчёт за грехи недели, как полагается.

Яшин. Любишь ты это дело!

Миша. Заставят, и ты полюбишь.

Буянов. От скуки и самого себя выпороть можно.

Яшин. Вон как воют молитвы! И на кой пёс мальчишков этих берегут? Мастеровых из них не сделаем, работать они не охочи, да и силы у них нету, кормим плохо.

Буянов. Это ты врёшь. Кормим отлично.

Миша. Толокно-то загнило, да и капуста...

Буянов. И ты врёшь. Гляди: зритель услышит...

Яшин. Воруете вы с Оношенко многовато...

Буянов отходит прочь.

11

Из церкви выходят преступники, надзиратели строят их в три колонны, покоем¹

Командуют:

– Смирно! Эй, кто там шапки надел? Снять!

12

Яшин (*щупая розги*). Сучков на розгах нет?

Миша. А тебе какое дело?

Яшин. Намедни ты сучками до крови изранил мальчишек.

Миша. А они, сукины дети, сами розги резали, сами бы и смотрели – есть сучки али нет.

Яшин (*вздыхает*). Эхе-хе. Зряшное это дело.

Миша. А ты – попробуй переделай!

13

Из церкви выходят Полувеков и Оношенко.

Полувеков. Здорово, колонисты!

– Здравия желаем, Антон Васильевич!

Полувеков садится на стул, Оношенко подаёт ему список преступников, подлежащих наказанию. Надев пенснэ, Полувеков говорит:

¹ Т. е. буквой «П» – *Ред.*

– Смирно! Ну, что же? Опять за эту неделю двадцать три зверёныша заслужили наказание? Вы, скоты, всё ещё не можете понять, что место ваше – в тюрьме, среди воров и убийц, среди каторжников и что здесь вы живёте из милости, по доброте людской, по милосердию честных

людей! Не понимаете этого? Ну, и пеняйте на себя. Сегодня будут наказаны (*читает*): Смирнов Иван за дерзости помощнику моему, за непослушание приказу надзирателя и воспитателю Климову, за разбитие стекла в окне – пятнадцать розог. Я тебя, Смирнов, усмирю. Ты у меня забудешь, как на мачеху ножом замахиваться.

Смирнов. Не ножом, а стамеской.

Полувеков. А за то, что ты смеешь поправлять меня, я тебе прибавлю ещё пяток. Двадцать – Смирнову! Михаилу Арапову за неприличное поведение в церкви – пятнадцать розог.

Арапов. У меня, Антон Васильич, живот болит...

Полувеков. Молчать! А то – прибавлю. Слесареву и Югову за драку – по десять. Ерохину, Сушкову, Макову и обоим Ивановым за кражу каравая белого хлеба – чистить отхожее место. Сверх того, Ерохину, за то, что прикрывал соучастников кражи, – десять розог. Я тебя, Ерохин, переломлю! Алексею Чумову за оскорбление преподавателя Климова – десять. Деева, Трофимова, Сидельникова на воскресенье в карцер. Остальных на завтра – без прогулки. Завтра наиболее отличившиеся поведением примерным идут в лес, за грибами. Таковых... Семнадцать человек. Начать экзекуцию со Смирнова. Делай! Солил розги?

Миша. Так точно!

Полувеков. Покажи рукавицу.

Миша показывает.

14

Двое надзирателей ведут Смирнова к скамье. Миша расправляет розги, пропуская их сквозь кулак, – на руках у него кожаная рукавица, смоченная солёной водой, он оглаживает розгу после каждого удара по телу наказуемого. Делалось это якобы в целях гигиенических. У ног Миши деревянное ведро с рассолом. Смирнов упирается, мычит. Его кладут, двое надзирателей держат за ноги и за руки.

Оношенко (*считает*). Раз. Два. Три... Миша – не фальшивь! Четыре!

Полувеков. Смирнова за сопротивление – в карцер на сутки.

15

К скамье ведут Ерохина. Из фронта выскакивает Сушков, бросается в ноги Полувекову, визжит:

– Не бейте меня... Простите! Я не буду, Антон Васильич – я не буду...

Полувеков. Убрать!

Оношенко оттаскивает Сушкова за ногу. Среди ребятишек некоторые, человек пять – восемь, испуганы, плачут.

16

Из окна дома администрации смотрит на экзекуцию жена Оношенко, толсторожая баба лет сорока, смотрит с наслаждением. Из-под руки её выглядывает дочь Полувекова, девочка лет 12.

Оношенко. Гляди, какие у них крутенькие да крепкие. (*Крякает.*) Ты, Людмилочка, не высовывайся очень-то, папаша увидит, заругается. Не велит он показывать тебе, как мальчишек секут.

Людмила. А девочек тоже секут?

Оношенко. И девочек – тоже. Наука. Не накажешь – не научишь. Меня, милая, так били, что, бывало, даже все чувства повыбьют, ни крику, ни дыхания нет. Отец бил, потом – тётка, а как отдали в ученье, в швейки – хозяйка драла за волосы или по щекам нашлапает.

Людмила. Михайловна, отчего так нехорошо везде? Только в лесу и хорошо.

Оношенко. В лесу, милая, очень даже хорошо! Где людей нет, там всегда прелестно...

Людмила. Скорее бы – осень и снова в училище. Там хоть дразнят меня за то, что хромая...

Оношенко. Там, конечно, подруги... Гляди, как Сушков-то извивается... ишь ты!

Людмила. Не хочу!

Оношенко. Ой, что ты кричишь! Спрячься скорей, присядь.

17

Полувеков – встал на ноги, смотрит в окно дома, грозит палкой. Яшин – льёт горстями воду на голову Сушкова, лежащего в обмороке на земле.

Преступники учатся

1

Школа. Алтарь и амвон скрыты занавесом. На грубых деревянных партах двадцать пять – тридцать малышей. На задних партах – шалют, возятся. За передней стоит Сушков. За столом – попик, непрерывно нервно барабанит пальцами, в левой руке – линейка. Он говорит мальчику, стоящему за первой партой:

– Оказывается, ты, Анисимов, ничего не знаешь о сотворении мира. Сие не похвально, даже постыдно и достойно возмездия, кое и не минует тебя. Садись. Маков! Расскажи о потопе. Маков, тебе говорю – встань!

Маков. Меня держат.

Поп. Кто держит? Беси?

Маков (*подскочил*). Ой!

[Поп]. Что это значит?

Маков. Они щиплются.

Попик подходит к парте и бьёт линейкой плашмя по головам соседей Макова, кстати и по его голове.

– Говори!

Маков, шмыгая носом:

– Когда людей расплодилось много, они начали строить Вавилонову башню.

Попик. Зачем же это?

Маков. Чтобы спастись от потопа.

Попик. Так-так-так! Ну?

Маков. А этот... Ной, выстроил... баржу.

Попик. Дурак. Но – продолжай.

Маков. Тут у них смешались языки...

Попик. Так-так-так! Что значит – смешались языки?

Маков. Я не знаю.

Попик. Так. Ну, ты тоже ничего не знаешь, как Анисимов, Евченко и все другие. А не знаете вы потому, что не хотите знать. О чём и будет доложено смотрителю.

Маков. Батюшка, у нас время нет учиться.

Поп. Лжёшь.

Маков. Да вы сосчитайте часы-то!

Поп. Молчи. Ой, Маков, прикуси язык свой дерзкий! Начнём пение. Пожалуйте сюда, беси болотные, кикиморы!

Мальчики становятся полукругом у стола. Попик достал камертон и командует.

– Начинайте «Волю»! Ну – раз, два!

Взмахивает руками; дети поют:

Ах ты, воля, моя воля,
Золотая ты моя.
Воля – сокол поднебесный.
Воля – светлая заря.

Не с росой ли ты спустилась?

Не во сне ли вижу я?
Аль горячая молитва
Долетела до царя.

Знать, услышал он, голубчик,
Про житьё-бытьё, нужду,
Знать, увидел он, родимый,
Горемычную слезу.

2

Столярная мастерская. Перерыв в работе. Десятка два мальчиков окружают Яшина и Лисицу. Смирнов и Ерохин в углу, сидя на верстаке, о чём-то перешёптываются. Яшин – пьяненький, благодушен. Лисица показывает, как надобно воровать кошельки из карманов и как «перетыривать» их из рук в руки. Яшин восхищается:

– Это-то фокус! Это – ловко! Ах, сукин кот! А часы срезать можешь?

Лисица. Часы, Степан Иванович, трудно. Это очень трудно!

Лапотошник. Бумажник – значит, тоже трудно стырить...

Вошёл Оношенко, стоит и наблюдает.

Яшин. Постой, сукин кот! Да ты уж слямзил часы-то! Ах, дьявол!

Оношенко. А Лисица учит ребят лучше, чем ты, Яшин, а? Ты, старый чёрт, опять балуешь? Гляди, – смотрителю доложу! (*Бьёт Лисицу.*) Я тебе, сволочь, говорил, чтоб ты бросил фокусы эти? Говорил?

Яшин. Ты – не сердись, не бей его! Он – хват! Эх, зря вы его держите здесь! На воле он – барином жил бы...

Оношенко. Будет болтать! Эй вы, за работу! Смирнов, Ерохин, опять вместе? Я кому сказал, что вместе вам не полагается быть, а? Запишу (*вынул книжку, пишет*).

3

Сапожная мастерская. Мальчики сучат дратву, кладут заплаты на обувь, клеят каблуки, подошвы. Медленно шагает Климов, присматриваясь к работе. В руке – шпандырь. Он колотит им ребятишек по головам, по спинам, кричит:

– Как держишь головку, болван? Положи на колено. Конец шила сломан – не видишь? Отточить надо. Это что? Кривой каблук-то клеишь, осёл! Ну, отдых на четверть часа. Шабаш. Куда побежали? Не смей! Дьяволята. За вас Христос страдал, святые угодники мучились, зверям на съедение шли, а вы, дьяволовы дети, в церкви воняете. (*Сел на стул у окна.*) Собирайтесь сюда, живо! (*Ребята окружают его.*) Намедни я вам рассказывал житие святых Кирика и Улиты, а сегодня слушайте Пантелеймона Целителя и великомученика житие. Не толкайтесь, мало вам места? Зверята! Тише! (*Откашлялся.*) В царствование императора римского... Арап, это что такое император?

Арап. Царь.

Климов. Какой?

Арап. Всё равно какой, всякий.

Климов. Осёл! Не всякий, а всероссийский.

Арап. Вы сказали – римский.

Климов. Я тебе, харя, объяснял: римских больше нет, в Риме теперь папа сидит. Дурак, тупая башка! Ты. чего смеёшься, косая морда!

4

На дворе, за домом администрации, преступники пилят дрова, укладывают их в поленицы, толстые поленья раскалывают. Роят канавы для стока воды. За ними наблюдает надзиратель. Работают молча.

5

За углом церкви – Арап, Чумовой и Людмила, она – хромая, с костылём.

Людмила. Вы – не стыдитесь...

Чумовой. Чего стыдиться?

Арап. Не мы порем, а нас порют. Наплевать нам на стыд.

Людмила. Девочек тоже секут.

Чумовой. Тебя – секли?

Людмила. Мне Оношенкова жена сказала, что секут.

Арап. Она – стерва.

Чумовой. Настоящая стерва. Ты её не слушай!

Людмила. За что вы её ругаете? Она – добрая.

Арап. Она с Лисицей живёт.

Людмила. Неправда! Она – с мужем, а Лисица – с вами в бараке живёт.

Мальчики, усмехаясь, переглянулись.

Арап. Ты не понимаешь, про что мы говорим.

Чумовой. Ей и не надо понимать это, она – хромая.

Людмила (*обиделась*). Я знаю, что хромая, а вы – дураки! И – врёте! У-у... Воришки! Дрянь.

Идёт прочь.

Чумовой. Обозлилась.

Арап. Дурочка. Эх, как есть хочется!

Чумовой. Айда в кухню, помой выносить. Может, хлеба украдём. (*Уходят.*)

6

В углу, в тени частокола, Людмила, сидя на земле, сплетает из травы венок. Ерохин идёт с лопатой на плече. Замедлив шаг, смотрит на Людмилу, она улыбается ему.

Людмила. Вот – села, а встать – трудно.

Ерохин молча подаёт ей костыль, помогает встать.

Людмила. Спасибо. Ты всегда кому-нибудь помогаешь.

Ерохин (*сконфуженно*). Ну уж – всегда! Не всегда, а как приходится.

Людмила. За что тебя посадили сюда?

Ерохин. Голубей воровал.

Людмила. Я очень люблю голубей.

Ерохин (*усмехаясь*). Воровать? (*Идёт прочь.*)

Людмила грустно смотрит вслед ему. Бросила венок на землю, идёт к дому.

Преступники забавляются

1

В углу двора, за поленницей дров, четверо играют в карты, «в носы»: Лисица, Ерохин, Арап и Сушков. Чумовой на страже.

Лисица. Готово? Подставляй нос...

Арап. Ты – смошенничал. Не давайся ему, Сушков!

Сушков. Ничего, пускай бьёт. Только не по щекам! Сжав большими пальцами нос, прикрывает щёки тылом ладоней.

2

Лисица бьёт картами по носу Сушкова, делая это с наслаждением садиста. Бьёт по крыльям носа и сверху вниз.

Арап (*кричит*). Не бей сверху! Это – не закон!

Лисица. Не ори, в зубы получишь.

Арап. Ерохин – чего он делает? Заступись.

Сушков – плачет.

3

Ерохин. Брось, Лиса!

Лисица. Ты – кто? Начальник? Семнадцать, восемнадцать.

Ерохин. Брось!

Лисица. Пошёл ты к чёрту! Девятнад...

Ерохин бьёт его ладонью по уху.

Арап. Так его!

4

Ерохин и Лисица – дерутся. Арап, прыгая вокруг них, подзадоривает:

– Лупи его, Ероха-воха! Под душу дай.

5

Сушков, прислонясь к забору, глядя рукой распухший нос, вытирает другой слёзы из глаз. Чумовой – советует:

– Ты, пойдёшь, умойся.

6

Лисица, сидя на пне, сплёвывая кровь с разбитой губы, говорит:

– Это ему даром не пройдёт! И Арапу не пройдёт.

Чумовой. Оношенке – наябедничаешь? Изобьём.

Лисица. Ты – изобьёшь?

Чумовой. Все. Как в прошлый раз.

Лисица пинком ноги в живот опрокинул Чумового.

– Получи задаток! Я вас, комаров, передавлю.

Уходит, поплёвая. Чумовой пробует встать на ноги, падает.

7

По двору идёт, как слепая, жена Оношенко. Наткнулась на Лисицу, выскочившего из-за угла церкви.

– Куда? Кто это тебе мурлетку расколол?

Лисица. Ерохин со Смирновым.

Оношенко. Эх ты, мозгляк! Все тебя бьют.

Лисица. Ну уж это – врёте!

Оношенко. Чего-о?

Лисица. Неправда. Я сам всех бью.

Оношенко. Маленьких. А Смирнова не можешь. Дрянь.

Лисица. Я...

Оношенко. Иди, иди! Разговорился... Сорока...

8

Ерохин, согнувшись, смотрит в щель забора. Отламывает кусок доски с треском, испугался, просунул кусок в щель. Идёт Смирнов, в руке – пила.

– Ты что тут?

Ерохин. На волю гляжу.

Смирнов. Тебя Яшин спрашивал.

Ерохин. Лисицу надо бы выпороть.

Смирнов. Мало ли чего надо.

Ерохин. Сволочь он.

Смирнов. Все хороши.

Ерохин. Он с женой Оношенко путается.

Смирнов. А тебе – завидно? (*Уходит.*)

9

Ерохин, тупо посмотрев вслед ему, стучит лбом о забор.

10

Смирнов, жена Оношенко – под колоколом.

– Ты что же, дурачок, не пришёл, а?

Смирнов, глядя на неё исподлобья, молчит.

Оношенко. Считают тебя храбрым, а ты – бабы боишься. Что молчишь?

Смирнов. Шкура.

Оношенко. Ка-ак?

Смирнов. Шкура.

Идёт прочь. Женщина смотрит вслед ему, улыбаясь, потом, вздохнув, облизнула губы.

– Вот я скажу, как ты Лисицына избил!
Смирнов (*оглянувшись*). Шкура.
Оношенко – смеётся.

11

Рассвет. Спальня. Тихо открывается дверь. Входит Лисица, за ним ещё четверо. В руках одного – одеяло. Подходит к одной койке, набрасывает на голову спящего одеяло, двое садятся на ноги его. Лисица и двое других – бьют. Проснулся, соскочил с койки Сушков, кричит:

– Ой... что это? Братцы...

Лисица, схватив с койки одеяло Сушкова, набросил его на голову мальчика, свалил с ног и пинками забил под койку. Звуки мягких ударов, хрип, мычание.

12

У окна – избитый Ерохин ощупывает себя. Около него Сушков и ещё человека три, остальные – спят.

Ерохин. А кто им дверь отпер?

Сушков. Кабы я, так они бы меня не били.

Ерохин. Дураков бьют и за – да и за – нет. Я знаю, что дверь снаружи заперта.

Один из ребят. А ключи – у Оношенка, значит – жена его дала ключи.

Сушков. Вот бы мышьяком отравить бабу.

Ерохин. А где у тебя мышьяк? Дура болванова.

Другой из ребят. Поджечь бы это заведение.

Преступники мечтают

1

Яркая, лунная ночь. В бараке на нарах под окном шестеро: Лисица, Чумовой, Арап и ещё трое.

Арап. Кабы книжек давали...

Лисица. Эх ты, мозгляк! Попал сюда из-за книжек и – сиди.

Арап. Мне это не стыдно. Я – бедный, я книжки украл не на продажу.

Лисица. Украл! Умеешь ты украсть...

Арап. Научусь. Не больно форси.

Лисица. Дурак.

Арап. Ничего не дурак! Когда книжку читаешь, всё равно как в другом царстве живёшь.

Чумовой. А я, когда буду вором, свой цирк заведу.

Лисица. Ты сколько раз воровал?

Чумовой. Семь. Я всё около цирка. Украду, куплю билет, вот и – царь!

Лисица. Вора из тебя никогда не будет, глупый ты.

Арап. Ничего не глупый, он только глухой немножко.

Чумовой. Это по башке меня треснули, я и оглох.

Арап. Ух, как бьют...

Лисица. Умных – не бьют, а вот эдаких и надо бить.

У другого окна

1

Смирнов, Ерохин и Сушков.

Смирнов. Я фигуры из дерева ловко резал.

Ерохин. Какие фигуры?

Смирнов. Людей, полицейских, собак. Свинью вырезал, а морда как у мачехи. Она у меня всё сожгла. Из-за неё и попал сюда.

Сушков. А меня дядя законопатил. Я – сирота, а он – сволочь. Маленький, хворый, как наш смотритель, а на него четырнадцать человек работают, вывески пишут.

Ерохин. Вот это я не понимаю, почему на плохих людей хорошие работают? У меня отец грузчик, он двадцать пудов поднимает, а подрядчик у него – старичишко, едва ходит, распух весь от жира. Как это допускается начальством?

Смирнов. Бежать отсюда надобно.

Сушков. Куда?

Смирнов. Там видно будет.

Ерохин. Куда побежишь? Родных у нас нету.

Смирнов. Родные-то хуже чужих.

Сушков. Да-а...

Входит надзиратель, кричит:

– Это что? Кто это не дрыхнет, а? Ложись, мать вашу...

Смирнов, Ерохин, Сушков вытягиваются на нарах. Спавшие – просыпаются.

Преступники бегут

1

Утро, серенький рассвет. У частокола около поленницы дров – Смирнов, Сушков, Ерохин. Смирнов осторожно влезает на дрова.

2

Внешняя сторона частокола. На землю прыгает Смирнов, за ним Ерохин, потом – Сушков, он, упав на землю, вскрикивает.

Смирнов. Ушибся?

Ерохин. Ну его к чёрту. Бежим!

Смирнов. Погоди...

Сушков. Ногу... ногу больно...

Ерохин бежит. Смирнов поглядел вслед ему, взглянул на Сушкова и тоже побежал.

3

Сушков – кричит. На дворе шум, сыплются дрова. Выстрел.

4

Болотистый лес. Между деревьев мелькают, прыгая по кочкам, Ерохин и Смирнов.

5

Двор колонии. Сторож звонит в колокол.

6

Снова лес.

7

На дворе – смятение, бегают надзиратели, сторожа. Оношенко тащит за шиворот Лисицу, орёт:

– Кто бежал, а? Сукин ты сын! А? Кто?

Лисица. Я не знаю, ей-богу, не знаю!

Оношенко. А ты чего смотрел, а?

Лисица. Да я же – спал, господи...

8

Сторож втаскивает в калитку ворот Сушкова, мальчик кричит.

Оношенко (*Сушкову*). Кто бежал?

Сушков. Ерохин... Смирнов... Они меня сманили... бросили... Я не виноват...

9

Болотная поляна в лесу. Смирнов, Ерохин, оба мокрые, щупают палками болотистую почву.

Смирнов. Надо кругом бежать.

Ерохин. Прямо... Прямо, а то догонят. Слышал – стреляли?

Смирнов. Эх, Сушков-то... Это ты сманил его! А он – слабый... Сманил и бросил.

10

Двор. Оношенко – Лисице:

– Беги, лови их. Возьми Розмыслова, Юрьева, Васильева. Живо!

11

Из бараков выбегают мальчики.

Оношенко. Марш, назад, сукины дети! Ордынцев, Судаков – загоняйте их!

Надзиратели загоняют.

12

Лес. Бегут Лисица и его товарищи. За ними – сторожа, Миша с ружьём и надзиратель с палкой.

13

Болото. Поперёк его шагают по грудь в воде Смирнов, Ерохин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.